

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

ББК 60.027

К 24

О.С. Карнаухова,

кандидат философских наук, доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики факультета философии и культурологии, Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Гражданство в мультикультурном обществе: от теории статусов к практикам (Рецензирована)

Аннотация. В течение последних пятнадцати лет концепт гражданства претерпевает серьезные изменения: от вопроса, малоинтересного с точки зрения своего политического обоснования, к проблеме, остро стоящей в результате усилившейся международной миграции и сопряженной с понятиями безопасности, общества риска, социального контроля. Сегодня все индустриальные страны сталкиваются с постоянными обращениями мигрантов о приобретении статуса гражданина того или иного национального государства. В этой связи концепт гражданства обретает характер идеологического инструментария, используемого государством для регулирования отношений в обществе и формирования и поддержания сети сообществ. Сетевой характер гражданства превращает данный концепт из идеологемы статуса в идеологему практик.

Ключевые слова: гражданство, мультикультурализм, безопасность, общество риска, миграция.

O.S. Karnaukhova,

Candidate of Philosophy of Theory, Culture, Ethics and Aesthetics Department of the Faculty of Philosophy and Culture of the Southern Federal University, Rostov-on-Don

Citizenship in a multicultural society: from status theory to practice

Abstract: During the recent fifteen years the concept of citizenship has been seriously changed from the question of weak interest within its political foundations to the topical problem, resulting from the high flows of transnational migrations and correlated with concepts of security, risk society, social control. Today all industrialized countries deal with applications of migrants willing to acquire a citizen status. In this connection the concept of citizenship is becoming an ideological instrument for regulations of state-person relationships, as well as for formation and maintenance of communities' network. The network peculiarity of citizenship transforms this concept from the ideology of status to the ideology of practice.

Key words: citizenship, multiculturalism, security, risk society, migration.

Сегодня многие исследователи указывают на конвергенцию инструментов контроля миграции, политики социальной интеграции и продвижения идеологии гражданства (например, Cornelius, W.A., Martin, P.L. and J.F. Hollifield,

1994). Наблюдается два противоположных по своей сути тренда: с одной стороны, значительное ослабление контролирующего режима для привилегированных групп (предприниматели, инвесторы, высококвалифициро-

ванные работники), с другой стороны, усиление ограничительных мер для таких групп, как беженцы, ищущие политическое убежище, работники с низкой квалификацией. Таким образом, государство стремится ужесточить контроль за миграцией, одновременно укрепляя чувство принадлежности своих граждан.

Мигранты стремятся диверсифицировать способы выражения своей солидарности со страной происхождения и как можно более полно представлять свою гражданскую принадлежность. Мы наблюдаем процесс переопределения соотношения понятий гражданства и национальной принадлежности. При этом транснациональность дает возможность группам мигрантов определять свое отношение к принимающему сообществу разными способами — от полной ассимиляции, отказа принадлежать стране происхождения и пользоваться всеми благами гражданства принимающего государства до попыток сохранить все преимущества культуры своей страны, не отказываясь от дивидендов нового гражданства, без обязательств интеграции.

С юридической точки зрения гражданство — это формальный статус, определяющий набор прав и обязанностей субъекта, находящегося в отношениях с конкретным национальным государством. Эти права укоренены в институтах, чья роль состоит в контроле доступа к ресурсам национального государства. Поэтому гражданство предусматривает установление границ и социальную закрытость общества. Кроме юридического статуса гражданство определяет и коллективную идентичность. Наконец, национальное политическое сообщество предоставляет гражданству территориальную базу и исторические основания для формирования и поддержания национальной культуры, которая сопряжена с изменениями коллективной памяти.

В политико-философском понимании гражданство — это набор привилегий и прерогатив граждан, отличающихся от не-граждан, а также влияние, которое потенциально

оказывается на государство и вытекает из процедур инкорпорирования и участия в политическом сообществе. Вопрос, который следует из данного положения вещей, связан с трансграничными миграциями и звучит следующим образом: в случае миграции должно ли происходить замещение или надстраивание нового типа принадлежности? В конце 1990-х годов именно этот вопрос послужил росту дискуссий вокруг соотношения и когерентности понятий мультикультурализма и гражданства (Soysal Y.; Martiniello M.; Zolberg A.).

На наш взгляд, гражданство и граждане являются исторически, политически и социально конструируемыми концептами. Исторически концепт гражданства разворачивается вместе с модерном, либерализмом, универсализмом, европейским рационализмом. Он носит исключительный (эксклюзивный) характер: белый мужчина представляется в качестве «нормального гражданина» в национальных государствах Европы. И в этом смысле гражданство является концептом, «привязанным» к национальному государству и нормальному гражданину.

Так или иначе гражданство определяет отношения государства и человека через субъективацию авторитета или его конституирование с помощью демократических институтов. Точкой отсчета ставшего классическим подхода к рассмотрению гражданства как статуса стал историко-социологический анализ Томаса Маршалла, данный в его работе «Гражданство и социальный класс» в 1950 г. Он связывал историческое развитие гражданских прав с расширением капитализма, где гражданские права предстают как параллельная система равенства, а капитализм — как система неравенства. Немаловажным аспектом данной модели является то, что ее обоснование происходило в контексте становления общества благосостояния второй половины XX века.

Маршалл вел происхождение и экспансию гражданства, начиная с XVIII века. Первый тип гражданства

и гражданских прав, — цивилизационный — возник как право на слово, веру и собственность. Это — так называемое «экономическое гражданство». Второй тип — политическое гражданство — оформляется к концу XIX века как право участвовать в политической жизни общества. Наконец, социальное гражданство возникает в XX веке и включает широкий спектр прав: образование, здравоохранение, безопасность и т.д. Таким образом, социальное гражданство возвестило о наступлении эры государства благосостояния.

Критика по отношению к данному подходу связана с наличием целого ряда допущений. Во-первых, Маршалл исходил из идеи о естественном прогрессе и переходе от цивилизационных к политическим правам, и далее к социальным. Данный прогресс неизбежным образом был связан с идеей об экономическом прогрессе. Во-вторых, допускалось, что развитие гражданства обретает одинаковые формы во всех государствах, а сами права являются универсальными. В-третьих, данный универсализм сводит культурные права к социальным (особенно явно это видно, если обратиться к понятию культурного различия и политике признания). Наконец, предполагалось, что напряжение между гражданством и капитализмом может быть разрешено в пользу гражданства.

Глобализация внесла коррективы в модель гражданства-как-статуса: активизировались финансово-экономические факторы мирового развития, в результате чего национальная политическая идентификация постепенно уступает место транснациональной экономической идентификации. Быть служащим какой-либо крупной, известной на мировом рынке корпорации значит не меньше, чем быть американцем, англичанином или французом.

В последние годы европейские государства пытаются разнообразить критерии гражданства, позволяя определенную долю инклюзии, но одновременно контролируя миграцию. Мы рассматриваем переход от гражданства — статуса к гражданству — плюраль-

ным практикам как результат кризиса идеологии мультикультурализма. Кажется очевидным, что возникновение и расширение идеологии мультикультурализма стало своеобразным вызовом универсализму через признание культурного различия или понятие дифференцированных прав. Безусловно, мультикультурализм заслужил широкую критику как со стороны левых, так и правых политических сил, поскольку устанавливал когерентность солидарности и редистрибутивной политики. И хотя мультикультурализм давно перестал быть политикой разнообразия, он является связанным как с представлением об экономическом благополучии государства, так и необходимостью управлять многообразием. Таким образом обнаруживается переход от этнического к экономическому мультикультурализму (экономическому транснационализму).

Одновременно происходит диссоциация гражданства и национальной идентичности. Первый фактор, влияющий на данный процесс, связан с глобализационными процессами, а именно — одновременной гомогенизации и дифференциации глобального общества. Дискурсы универсализма, расизма, сексизма и т.д. постоянно расшатывают глобальную систему политических отношений, создают прецеденты построения иерархий среди групп мигрантов и фабрикуют субординации. Второй фактор — влияние международных организаций, контролирующих соблюдение прав человека. Идеология прав человека выражает потребность в защите групп населения, находящихся «за пределами» легитимизированных в национальном государстве отношений и нуждающихся в представлении в обществе своих уникальных культурных прав. Третий фактор — распространение политики идентичности. Ее происхождение оспаривается в академической литературе. Иммануил Валлерстайн представляет ее как результат миграций с Юга на Север, Саския Сассен предлагает рассматривать как следствие формирования наднациональных социально-экономических

структур. Стюарт Холл определяет политику репрезентации как идущую бок о бок с идеологией мультикультурализма и запросом государства на систему управления культурным многообразием.

Попыткой выйти из кризиса, оставаясь в рамках «статусного подхода» к гражданству, стала концепция гражданского мультикультурализма или мультикультурного гражданства. Тарик Модуд предложил баланс между солидарностью, культурным различием и индивидуальным различием как необходимый компонент для западных либеральных демократических государств. Исследователь указывает на то, что кризис мультикультурализма перешел в свою открытую фазу после событий 9/11 и был обусловлен рядом факторов, в том числе ассоциативными связями с исламом и мусульманскими сообществами, а также дискуссиями вокруг национальной идентичности. В частности, обращаясь к британской мультикультурной политике, он замечает важнейшую роль образа мусульманина для переопределения национальной идентичности в Британии. Источником новой идентификации явились «Сатанинские стихи» Салмана Рушди, опубликованные в 1989 году и ставшие толчком для представления мусульман о самих себе в публичном пространстве.

Идеал мультикультурного гражданства — это критика культурной ассимиляции, традиционно требуемой от мигрантов и меньшинств национальными государствами. Еще один источник критики — либеральное индивидуалистическое общество, где нет достаточного места для групп. Между тем, мультикультурное гражданство укоренено и представляется естественным продолжением идей об индивидуальной свободе, равенстве и демократическом статусном гражданстве. Данный концепт основан на идее о том, что граждане обладают индивидуальными правами, но сами граждане универсальны, а их гражданская принадлежность обрисовывает разнообразные идентичности. В этом смысле мы имеем дело со всего рода групповым гражданством

и правом граждан быть частью общего гражданского пространства и одновременно демонстрировать групповую специфику проявлений данного статуса.

И все же ключевые идеи, лежащие в основе гражданства, — членство в обществе и равенство. Равенство понимается Модудом как двойкий концепт: включение через то, что есть общего у людей, и следовательно, не имеет отношения к гендеру, цвету кожи, и одновременно понимание различия как столь же необходимого компонента концептуализации и институционализации равных отношений между индивидуумами. Отсюда идея уважения к самоидентификации группы является центральной для понимания гражданства. Более того, необходимо рассматривать само гражданство как постоянный процесс и лишь частично конституированный феномен, расширяющийся через диалог и новые запросы на признание идентичности под влиянием обстоятельств. То есть гражданство понимается как процесс переговоров, но не о том, кто должен быть признан, но о том, что есть признание.

Т. Модуд пытается таким образом привлечь внимание к тому, что современное гражданство-как-статус имеет дело с классовыми, расовыми, гендерными и пр. характеристиками потенциального гражданина. Быть гражданином значит не только иметь право быть признанным государством, но и иметь возможность оспаривать контент признания. При этом не стоит поддаваться убеждению, что данное право является индивидуализированным. Речь идет о коллективных правах и коллективном действии. Возвращаясь к проблеме кризиса мультикультурализма, важно понять, что дело не в мультикультурализме, которого, по мнению Т.Модуда, на практике так и не было реализовано. Вопрос состоит в том, насколько западноевропейское общество готово принять факт наличия рынка идентичностей, где каждому человеку предоставлено право выбора, и мера выбора — сам политический субъект, а многочисленные групповые

идентичности должны стать интегрированной частью общества.

Критика данного подхода основывается на том, что если гражданство есть отражение отношений государства и политического субъекта, то принципиально важным оказывается институционально оформленный коллективный субъект, видимый в пределах заданных рамок. Однако любой выход за рамки существующих отношений делает такого субъекта не опознаваемым, а следовательно, невидимым сложно управляемым для государства. Само же гражданство оказывается ни чем иным, как метафорой. Становится очевидным, почему понятия бриколлажа идентичностей и принадлежностей, гибридизации и креолизации распространяется и применяется к анализу метафорических статусов. Данные подходы приводят к пересмотру бинарной категоризации, которая противопоставляет коренное население вновь прибывшим. Такая модель предполагает, что мигрант должен выбрать «на чьей он стороне». Перед лицом выбора мигранты формируют новую идентичность, которая оказывается в дихотомическом отношении к идентичности принимающего сообщества и часто рассматривается как причина для селективной политики статусов. Ирония в том, что существование диаспор служит основой для усиления иллюзии независимости национальных государств в том, что касается безопасности и политики границ.

И все же, формирование современного нормативного гражданства отличается от традиционного. Современное гражданство — результат глобализации и может быть определено как транснациональное, оформленное через использование медиа-среды, компрессирующей время и пространство, через пересечение границ и, следовательно, представленное как диаспоральное, сетевое. Именно поэтому концепт гражданства-как-статуса кажется не столь убедительным и сменяется концептом гражданства-как-практики.

Гражданство-как-практика чаще всего рассматривается с точки зрения

образовательных практик в качестве пропедевтического средства имплементации и упрочения институтов принадлежности и участия в политическом сообществе, инкорпорирования членов сообщества в ассоциации. Однако акценты смещаются в сторону анализа процедур осуществления гражданства в разнообразных историко-культурных и политических контекстах.

Диалог двух типов гражданства анализируется достаточно давно не только в западных, но и российских академических кругах. Деятельностная концепция осуществления гражданства рассматривается как альтернативная традиционной, статусной. Однако стоит заметить, что под гражданством-как-практикой понимается, прежде всего, процесс осуществления гражданских прав в либеральном западном обществе. Между тем, доминирующая либеральная концепция — далеко не единственная перспектива. Альтернатива заключается в рассмотрении гражданства как процесса, в результате которого производятся разнообразные практики и идентичности, а не только расширяющиеся права и зоны ответственности в пределах политического сообщества. Подобная перспектива, возможно, актуализирует попытки понять пределы и возможности политического участия в сообществе. Тогда вопрос может звучать следующим образом: когда и как гражданство может существовать над, под и за пределами политического сообщества?

Теории гражданства-как-практики исходят из очевидной ограниченности национального гражданства, замещающая простое членство принципиально плюральным. Более того, эти иные формы идентификации производят разнообразные, а не универсальные, политические практики, отражая альтернативные концепции гражданства. Эти концепции возникают как ответ на потребность сообщества. Гражданство оказывается феноменом локальным, а не универсальным, и видимым только тогда, когда статика членства заменяется на деятельность, конститу-

ируемую социальными движениями и процедурами солидаризации.

В данном контексте интерес представляет проект Энгина Айзена «Гражданство после ориентализма: незавершенный проект», который подвергает критике гражданство как уникальную западную, европейскую идею. Он устанавливает связь между ориентализмом Эдварда Саида и институтом гражданства как политическим действием. Обоснование данной позиции берет свое начало из идеи, что один из структурных блоков ориентализма — онтологическое различие между Ориентом и Оксидентом по вопросу политического в целом и гражданства в частности. Оксидентальная традиция конституировала Ориент как принадлежащий некоторому историческому периоду и располагала его там, где люди были неспособны позиционировать себя как политическое сообщество. Это происходило прежде всего потому, что они оказались неспособны изобрести ту идентичность, которая Оксидентом была обозначена как гражданство. Фигура гражданина, доминировавшая на Западе, была фигурой независимого, свободного мужчины, который мог выносить суждения и подчиняться им на основе многоуровневой социальной лояльности и принадлежности. Более того, данный субъект состоял в прямых договорных отношениях с городом (и позже с государством). Ориент же никогда не знал аткую фигуру и позднее имитировал и воспроизвел ее, но недостаточно успешно. Айзен подвергает критике данную концепцию и выражает уверенность в том, что подобный политический ориентализм должен быть переосмыслен в контексте исследований гражданства.

Действительно, анализируя различные формы политического действия, исследователь приходит к мысли, что основой отношений государства и по-

литического субъекта, выражением которых и есть гражданство, является контракт. В этом случае мы можем говорить о разнообразии контрактов, которые существовали в различных историко-культурных и социально-политических контекстах. Контекстуальность существования концепта гражданства также является важным условием при анализе гражданства-как-практики.

Оставаясь на коммунитарных позициях, Э. Айзен определяет в качестве исходной точки оформления практики гражданства процесс оформления групп и их отношений Мы-Другой вне онтологического различия между оксидентальной и ориентальной традициями. Формирование групп представляется фундаментальным, но динамическим процессом, с помощью которого люди артикулируют себя. Через ориентации, стратегии и технологии как формы политического существования, сообщества развивают солидаристские, агональные и отчуждающие отношения. Согласно Айзену, данные формы и типы далеко не всегда являются сознательным выбором или контрактом. Но именно через эти формы и типы артикулируется гражданин, иностранец, Другой, без которых невозможно представить гражданство.

Таким образом, гражданство-как-практика представляет собой процедуру артикуляции отношений «Мы-Другие», где «Другим» может выступать как иностранец, так и государство, город и т.д. Гражданство — это стратегическая ориентация, мобилизующая различные практики.

Данная позиция делает возможным и обосновывает разворачивающиеся на наших глазах разнообразные транснациональные практики гражданства как солидаризации, устанавливающие качественно иные отношения с «Другим», государством, сообществом.

Примечания:

1. Балибар Э., Валлерстайн, И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности = Race, nation, class. Ambiguous identities / Общая ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого. — М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003.

2. Капустин, Б. Гражданство и гражданское общество. — М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2011.

3. Cornelius, W. A., Martin, P.L. and J.F. Hollifield (1994) Controlling Immigration. A Global Perspective. Stanford: Stanford University Press
4. Hall S., du Gay P. (1996) Questions of Cultural Identity. SAGE Publications
5. Isin, Engin F. (2012) Citizenship after orientalism: an unfinished project // *Citizenship Studies* №16 (5-6):563-572
6. Labelle, Micheline (2002) Re-reading citizenship and the transnational practices of immigrants' — May 2002. Доступ: <http://www.ceri-sciences-po.org> (18.05.2014)
7. Marshall T. H. Citizenship and social class and other essays. — Cambridge: CUP. 1950 (переиздание 1998 года)
8. Martiniello, M (1997) *Sortir des ghettos culturels*. Paris: Presses de Sciences Po
9. Modood, T. (2007) Multiculturalism: A Civic Idea. Cambridge: Polity Press
10. Modood, T. (2008) Multiculturalism and Groups, Social and Legal Studies, 17(4). Part of a Review Symposium on T. Modood, Multiculturalism: A Civic Idea, 2007 and A. Phillips, Multiculturalism Without Culture, 2007
11. Mouffe, C. (1992) Democratic citizenship and the political community// C. Mouffe, ed. Dimensions of radical democracy: pluralism, citizenship, community. London: Verson
12. Sassen, S. (1999) Guests and aliens. New York: New Press
13. Soysal Y. Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe. — Chicago: Chicago University Press. 1994
14. Zolberg, A. (1996) 'Immigration and Multiculturalism in the Industrial Democracies'. In R. Baubock, A. Heller and A.R. Zolberg The Challenge of Diversity. Integration and Pluralism in Societies of Immigration, Aldershot: Avebury/European Center, 43-65

References:

1. Balibar E., Vallerstain, I. Race, nation, class. Ambiguous identities / Eds. D. Skopin, B. Kagarlitsky. M.: Logos-Altera: Esse Homo, 2003.
2. Kapustin B. Citizenship and civil society. M.: GU-VSHE Publishing House, 2011.
3. Cornelius W.A., Martin P.L., Hollifield J.F. Controlling Immigration. A Global Perspective. Stanford: Stanford University Press, 1994.
4. Hall S., du Gay P. Questions of Cultural Identity. SAGE Publications, 1996.
5. Isin Engin F. Citizenship after orientalism: an unfinished project // *Citizenship Studies*. 2012. №16 (5-6). P. 563-572.
6. Labelle M. Re-reading citizenship and the transnational practices of immigrants. 2002. May. URL: <http://www.ceri-sciences-po.org> (date of address 18.05.2014).
7. Marshall T.H. Citizenship and social class and other essays. Cambridge: CUP, 1950 (reprint of 1998).
8. Martiniello M. *Sortir des ghettos culturels*. Paris: Presses de Sciences Po, 1997.
9. Modood T. Multiculturalism: A Civic Idea. Cambridge: Polity Press, 2007.
10. Modood T. Multiculturalism and Groups, Social and Legal Studies. 2008. 17 (4). Part of a Review Symposium on Modood T. Multiculturalism: A Civic Idea, 2007 and Phillips A. Multiculturalism without Culture, 2007
11. Mouffe C. Democratic citizenship and the political community // Dimensions of radical democracy: pluralism, citizenship, community / ed. C. Mouffe. London: Verson, 1992.
12. Sassen S. Guests and aliens. N.Y.: New Press, 1999.
13. Soysal Y. Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe. Chicago: Chicago University Press, 1994.
14. Zolberg A. Immigration and Multiculturalism in the Industrial Democracies // Baubock R., Heller A., Zolberg A.R. The Challenge of Diversity. Integration and Pluralism in Societies of Immigration. Aldershot: Avebury/European Center, 1996. P. 43-65.